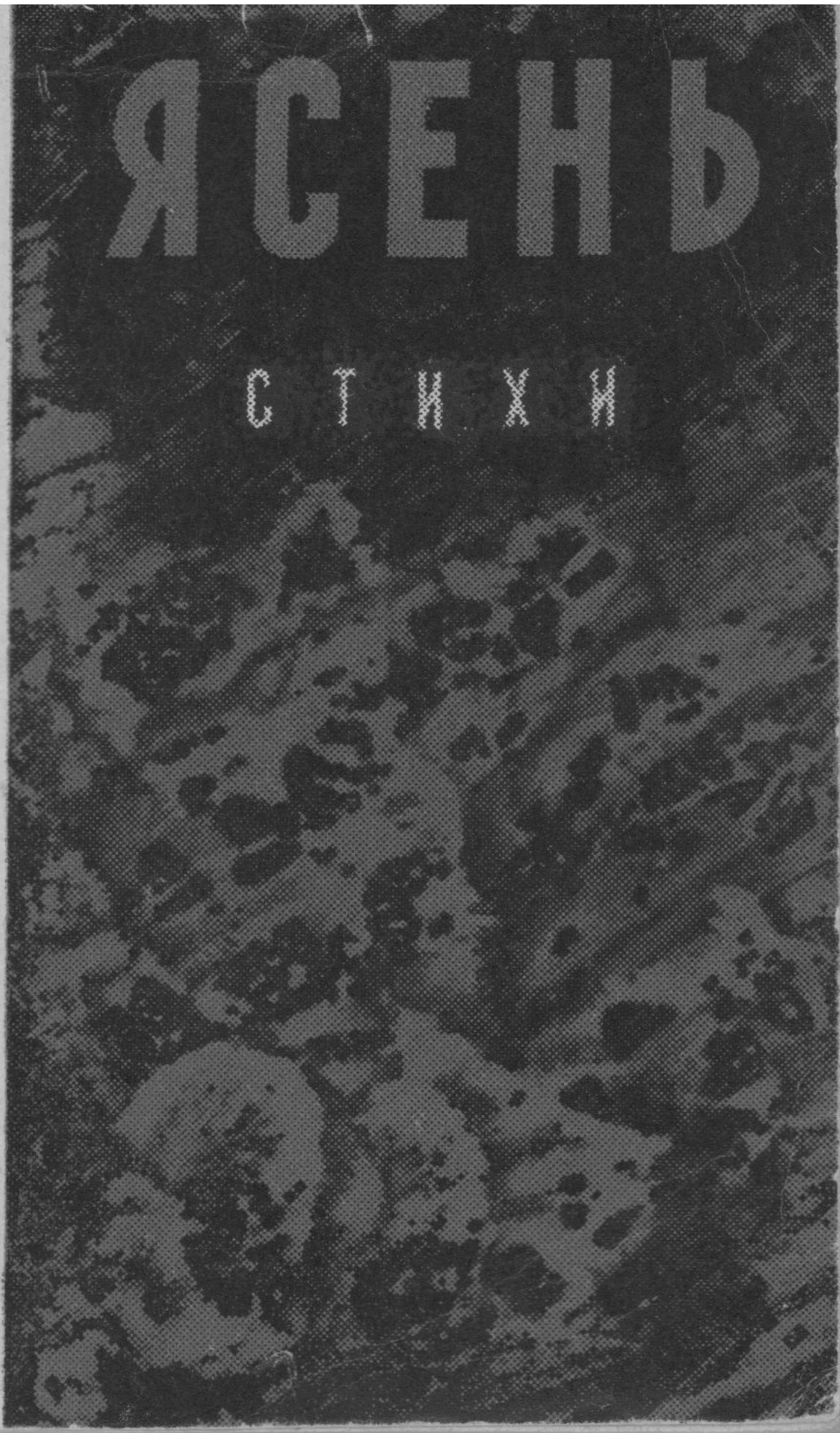

81020910

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

ЯСЕНЬ

С
—
—
—
—

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

ЯСЕНЬ

СТИХИ

Иван Александров живет и работает в старинном и песенном городе Мценске Орловской области. Он известен читателю как автор двух поэтических сборников. Первый — «Подснежник» — вышел в 1963 году в книжном издательстве города Орла, второй — «Земляника» — в Приокском книжном издательстве (1966 г.).

В новую книгу «Ясень» вошли стихи о родном крае, о природе, о любви.

84(2Рос)6
А 48 - 1

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

ЯСЕНЬ

СТИХИ

ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТУЛА · 1969

РФ Орловская обл., г. Мценск
Центральная библиотека
им. И. А. Новикова

- 45410 -

Р 2
А 46

Художник В. Кривников.

ПОЛДЕНЬ

2—14770

*Дрова сгорают ради нас в огне,
Безмолвно предают себя сожжению,*

Кайсын Кулиев.

Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

Ее граница вьется сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.

Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Моя столица — Бежин луг.

Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

ЗЕРНА

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села,
Чтоб только матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

КОСАРЬ

В двенадцать лет во мне Гудиловка
Признала дружно косаря.
В двенадцать лет меня будила
Рукою матери заря.

Я сброшу сон, как полушубок,
Иaspешу в заречный луг,
Где от косьбы и бабьих шуток
Аж перехватывало дух.

Дымилась у меня рубаха,
Дымилась шея у меня.
А знает каждый работяга,
Что нету дыма без огня.

БЕДА

Чернела туча грозовая
И зависала над селом,
И, костылями гроыхая,
Прошелся над полями гром.

В тот самый год сдурело небо,
Беда накликала беду.
Превыше золота и хлеба
Ценили люди лебеду.

А бригадир сутулил спину
И матерился под хмельком,
Сжимая бабью дисциплину
И сроки жатвы кулаком.

Былинка кликала былинку,
И он за каждый колосок
Готов был обломать дубинку
Иль пулю засадить в висок.

В тот самый год послевоенный
В селе налаживался быт,
А бригадиром был отменный,
С одной ногою инвалид.

Я в деревню часто приезжаю
И, подвыпив у нее в гостях,
Говорю о судьбах урожая,
О горячих сельских новостях.

А она про жизнь свою мирскую
По-иному судит и рядит
И невольно душу городскую
Трезвостью житейской берedit.

Виновато, горестно, покорно
Свесится хмельная голова,
И невольно подступают к горлу,
Словно кашель, жгучие слова.

Остаюсь пожизненно причастный,
В вечном неоплаченном долгу:
Я в деревню приезжаю часто,
А совсем остаться не могу.

ТЕЛЕГА

У ней потрескались колеса,
Помяты временем бока.
Она вернулась из извоза,
Из векового далека.

С мечтой о хлебе и о боге
Она прошла великий путь.
Стоит телега у дороги,
Решив немного отдохнуть.

Стоит телега недвижимо,
Оглобли в небо заломив.
А большаком бегут машины,
Недобро фарами скосив.

Они сигналият ради смеха
И не скрывают спесь свою,
Забыв, что матушка-телега
Для них пробила колею.

ЯСЕНЬ

Дрова сгорают ради нас в огне,
Безмолвно предают себя сожженью.

К а й с ы н К у л и е в .

Прости меня, багряный Васин,
Неистребимый Васин мой,
Что я срубил красивый ясень
Военной лютою зимой.

Мне ясень сам навстречу вышел,
Мне сам на плечи ясень лег.
Я потому, быть может, выжил,
Что он от стужи уберег.

Я благодарно помню это,
Всем сердцем помню и умом.
Я до сих пор живу согретый
Его дыханьем и теплом.

Моя душа давно окрепла,
Представ на новом рубеже,
Но сохранилась горстка пепла,
Что замурована в душе.

В наш век суровый и тревожный
Давно ровесник мой привык,
Что у него такой надежный,
Такой великий проводник.

Идет Ильич, живой и вечный,
Со всем народом заодно,
Взвалив земную ось на плечи,
Как на субботнике бревно.

- 45410 -

Я в это слово верю свято,
Горжусь и радуюсь душой,
Что слово русское крылатое
Летит орбитою большой.

Никто не вправе и не в силе
Остановить его полет.
Теперь считаются с Россией
И даже воздают почет.

Все больше в мире понимают
Мою загадочную Русь:
По-русски Пушкина читают
И даже зубрят наизусть.

По-русски борются и строят,
По-русски пляшут и поют
И даже русским матом кроют,
Когда свободы не дают.

Легли на все земные точки,
На все моря и острова
Меридианы, словно строчки,
Где пишут русские слова.

СЕРП

Я говорю об этом смело,
Я в этом убежден вполне,
Что не лежал ни дня без дела
Советский вымпел на Луне.

Пускай бушует на планете
Непримиримая борьба,
Луна давно над миром светит
Серпом из нашего герба!

У самого порога
Блестел кремнистый путь,
Кремнистая дорога,
Нацеленная в грудь.

2. Конь

Года, как заросли, раздвинув,
Я увидал издалека:
В поэта целится Мартынов
На дальнем склоне Машука.

В порыве гнева с яркой силой
Гроза обрушилась на лес.
На весь Кавказ, на всю Россию
Заржал в отчаянье Черкес.

С тех пор о многом позабыто.
Другой к закату век идет.
А конь все так же бьет копытом,
А конь все так же скорбно ржет.

Сквозь вековое расстояние
До боли трогает меня
Неумолкающее ржанье
Осиротевшего коня.

3. Друг

Ошалело хлещет с неба
Грозовой июльский дождь.
Что ты плачешь, Мишка Глебов *?
Что ты мертвого зовешь?

Что ты, глупый, ждешь ответа,
Безнадежно тебя
Буйну голову поэта
На коленях у себя?

Не в долине Дагестана,
Не во сне, а наяву
У него дымилась рана
И сочилась кровь в траву.

* М. П. Глебов — близкий друг поэта, его секундант на дуэли с Мартыновым.

Под чужим далеким небом
Вырос свежий бугорок.
Как же это, Мишка Глебов,
Друга ты не удержишь?

4. Прощай, Машук

Я исходил твои тропинки,
Облазил скалы и кусты.
Спугнув дремавшие росинки,
Я рву прощальные цветы.

Прощай, Машук! До новой встречи!
Я обязательно приду,
Чтоб вновь обнять тебя за плечи
У Пятигорска на виду.

Я обязательно приеду,
Чтоб поклониться в добрый час
Большому русскому поэту,
Душой любившему Кавказ.

Я шлю сердечное спасибо
Тебе, дружище, самому:
Стоишь ты, гордый и красивый,
Как вечный памятник ему.

БЕЖИН ЛУГ

Николаю Брауну

Все та же даль, все то же поле,
Все той же речки полукруг.
Душа заходится от боли,
Когда увижу Бежин луг.

Все так же светится в тумане
Среди дубов, среди раки
Костер моих воспоминаний,
Моих негаснущих обид.

Мой друг веселый и угрюмый,
Я завернул опять к тебе,
Чтоб поделиться горькой думой
О неустроенной судьбе.

Быть может, глупо или странно,
Что я беру тебя в пример:
Моя душа открытой раной
Напоминает твой карьер.

Прости, что выслушать заставил,
Что запоздалый гимн пою,
Что безрассудно тут оставил
Любовь и молодость свою.

Давай-ка лучше вспомним снова
Среди житейских грустных дел
Того, кто нежно и сурово
Тебя прославил и воспел.

Горит и светится в тумане
Над ворохом обид и ссор
Костер иных воспоминаний,
Святой тургеневский костер.

Природа, ты моя больница
И лучший санаторий мой.
Я прихожу к тебе лечиться
Весною, летом и зимой.

Всегда приветливо и нежно
Меня встречает у костра
Березка в форме белоснежной,
Как медицинская сестра.

Я шел росистою дорожкой,
Глядел рассеянно в ручей,
И вдруг серебряный горошек
В кустах рассыпал соловей.

Мое тоскующее сердце
Затрепетало, словно лист.
А он выделявал коленца:
То перещелк, то пересвист.

А он, закатывая глазки,
Назло печали и беде,
Неподражаемо, как в сказке,
Играл на лешевой дуде.

И я старался осторожно
Сырые ветки развести,
Чтоб отыскать в траве горошину
И, словно чудо, унести.

ПЕГАС

Обротаю Сивку, обротаю
И вскочу на спину с бугорка
И, босыми пятками болтая,
Полечу на крыльях ветерка.

Это было в детстве, это было
Летом, за рекою, на лугу.
Почему же с нынешнею силой
Обротать Пегаса не могу?

Почему так муторно и горько
И душа не просится в полет?
Сивку-бурку укатали горки,
А Пегас меня не признает.

ПОЛДЕНЬ

Я вышел рано в путь-дорогу
Под солнцем ласкового дня,
И тень шагала долго в ногу,
Не отрываясь от меня.

Я шел и шел своей тропой,
И становилось все ясней:
Чем выше солнце надо мною,
Тем тень короче и черней.

Горячей радостью наполнен,
Я мудрость жизни познаю,
А сам шагаю в знойный полдень
И подминаю тень свою.

Гляжу на реющие флаги
И наглядеться не могу:
Веселый пионерский лагерь
Гудит на волжском берегу.

Ребята, сущие арапы,
От солнца прячутся в песок.
Широкой горьковскою шляпой
Прикрыл их бережно грибок.

Звучат мальчишеские песни
Над волжской ширью голубой,
И гордо реет Буревестник
Над их душой, над их судьбой.

Плескались забавно мальчишки,
Бросали девчонки венки.
Мелькнули, как яркие вспышки,
Веселого детства деньки.

Умолкла до лета кукушка,
За тучами спрятался гром.
Декабрь наступил на речушку
Своим ледяным сапогом.

Бывало, щеголяли девки
Тугими косами до пят.
Во всю горланили запевки,
Сводили сплетни про ребят.

А мы в один твердили голос,
В душе обиду затаив,
Что, мол, у бабы длинен волос,
А ум короток и хвастлив.

Теперь все реже, реже, реже
Встречаешь косы у девчат.
Иная так себе подрежет,
Что только кончики торчат.

А все равно живут интрижки,
С кумою лается кума.
Ей-богу, от короткой стрижки
Не прибавляется ума!

«ТЮРЯ»

Завлекала среди бела дня
Озорная вдовушка меня.

Я смотрел угрюмо и устало,
А она проходу не давала.

Я краснел, смущенно балагуря,
А она вспылила: «Эх, ты, тюря!»

Ну, а я продолжил в том же духе:
Мол, пойдет и тюря с голодухи.

ВЕТЕР

Для него березка зеленела
И хранила белую кору.
То ласкалась вечером несмело,
То роняла слезы поутру.

Пролетела золотая осень,
Промелькнуло счастье, как во сне.
Ветер пыль в глаза березке бросил
И махнул к молоденькой сосне.

Ласкает волосы и плечи
Веселый майский ветерок,
А ты встаешь ему навстречу,
В руке сжимая мастерок.

Ты загляделась в голубое,
Весенней свежестью дыша,
Спокойно наступив ногою
На все четыре этажа.

И ты совсем не виновата,
Ничуть не виновата в том,
Что оказались все ребята
Вдруг у тебя под каблуком.

ТАМО-РУСС*

Памяти Миклухо-Маклая.

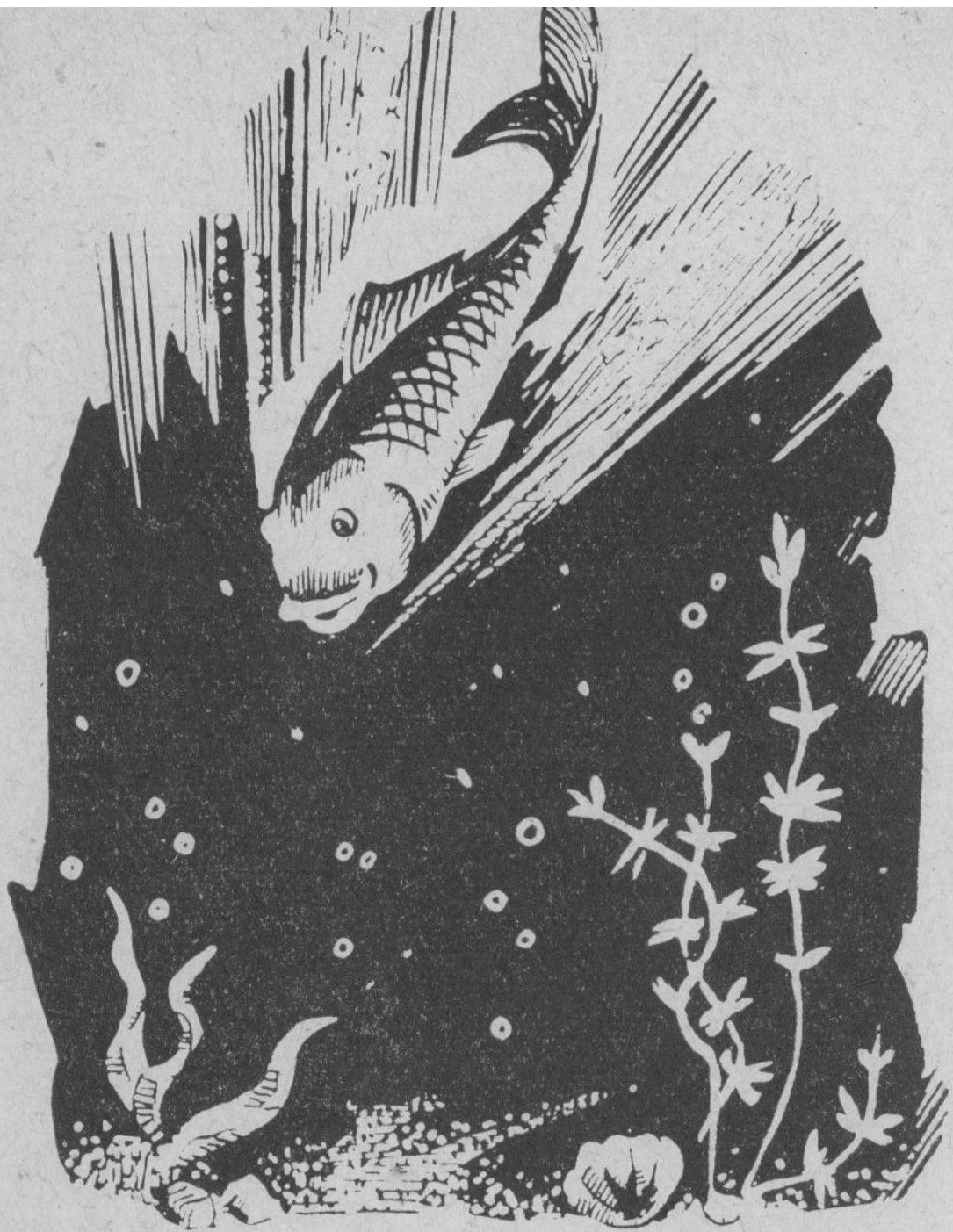
Уплывала шхуна голубая,
Покидая дикие леса.
Папуаска берега Маклая
Утирала грустные глаза.

Неужели не вернется снова,
Не подарит ей волшебных бус
Этот самый нежный и суровый,
С бородою рыжей тамо-русс.

Был он из неведомой России,
Из далекой сказочной страны
Этот самый добрый и красивый,
Всемогущий «человек с Луны».

Может, это правда, может, сказка,
Только там, где плещется залив,
Ждет и ждет Миклуху папуаска,
По-славянски пальму обхватив.

* Тамо-русс — русский человек.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

*О память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной...*

К. Б а т ю ш к о в.

СКАЗКА

Махнув рукою на деревню,
Закутав голову в метель,
Умчалась глупая царевна
Почти за тридевять земель.

А я сижу, забыв упреки,
Один в печали и тоске:
Быть может, бродит без дороги?
Быть может, жизнь на волоске?

Быть может, где-то просит жалобно,
Чтоб я ее от смерти спас.
Лишь только серый волк, пожалуй,
Меня бы выручил сейчас.

Я обыскал бы все окрестности,
Любой из дальних уголков.
Ах, как мне жаль, что в нашей местности
Перестреляли всех волков!

Чем тебя обрадовать? — Не знаю.
Все цветы преподнести готов.
Только ты какая-то чудная
И не терпишь никаких цветов.

Возле школы буйно полыхает
Сказочно красивая сирень.
Но она меня не согревает,
А бросает ледяную тень.

Оттого мне горестно и зябко
У больших сиреневых кустов.
Я бы наломал тебе охапку,
Да боюсь, что наломаю дров!

Я давно тобою спутан
По рукам и по ногам.
Потому-то, потому-то —
Ни соблазнам, ни грехам.

Все подруги вышли замуж,
Поженились все друзья.
Только ты волынку тянешь
Почему-то все нельзя.

Сколько можно жить в разлуке? —
Я прошу тебя, прошу:
Развяжи мне только руки,
Ноги сам я развяжу.

Я заверил грустную подругу,
Что люблю давно и горячо,
И свою заботливую руку
Положил ей робко на плечо.

Я гляжу: от такой нагрузки,
От моих чувствительных речей
Сердце трепыхается под блузкой,
Словно залетевший воробей.

Видно, с птахой невозможно сладить,
Потому и расходилась грудь.
Так хотелось воробья погладить! —
Побоялся, как бы не спугнуть.

А она, поверив сплетне,
Злым, шипучим голосам,
Грубой фразой, словно плетью,
Мне хлестнула по глазам.

Я качнулся от удара,
Думал, что не устою,
И побрел по крутояру,
Свесив голову свою.

Я угрюмо скрылся в чаще,
Спрятал в чаще лозняка
Два безмолвных, два кричащих,
Два невинных синяка.

КОШКА

Лето сыпало дождями,
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая.

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает?
Ведь зеленых кошек нет.

МОСТ

Под тяжестью обид, сутулясь,
Превозмогая боль и злость,
Я покидал тебя и юность,
Сжигая за собою мост.

А мост был шаткий и скрипучий,
Висел над самою водой,
Грозя разлукой неминучей
И неминучею бедой.

Я жег в огне любую малость,
Что дорога и свята мне,
Чтоб ничего не оставалось
На той постылой стороне.

Мои друзья отлично знали,
Что совесть у меня чиста.
А все же думали в печали:
«Ну, как же речке без моста?»

Я уходил в закат багровый,
Превозмогая боль и злость.
А люди возводили новый,
Надежный и красивый мост.

На старой полтевской дороге
Мы расставались два часа.
Непримиримые, как боги,
Мы правду резали в глаза.

Я уходил от поединка,
А на ветру в ее руках
Металась белая косынка,
Как запоздалый белый флаг.

СЛЕДЫ

От Снежеди до станции —
Следы, следы, следы.
Следы по сердцу тянутся
От счастья до беды.

Я все простил, что было,
В одном тебя виня:
Зачем ты наследила
На сердце у меня?

ХОЗЯЙКА

Бывало, девочка резвилась,
Не зная горя и забот.
А вот теперь — скажи на милость! —
Хозяйкой важною слывет.

Теперь весь день готовит блюда
И ждет от мужа похвалы.
Звенит, звенит, звенит посуда —
Ее ручные кандалы.

Я сам себе противоречу,
Себя безвольностью губя:
То устремлюсь тебе навстречу,
То убегаю от тебя.

Метаюсь глупо, как в угаре,
И чертыхаюсь в горячах:
Твои глаза слепят, как фары,
А я, как заяц, в их лучах.

МЕЛОЧЬ

Я открываю слишком поздно,
Что ты шутя со мной была
То легкодумна, то серьезна,
То равнодушна, то мила.

За все улыбки и приветы,
За все, чем очарован был,
Платил я крупной монетой,
Я круглой суммой платил.

Моим ошибкам и удачам
Ты хладнокровно счет вела:
Ты возвращала честно сдачу,
А сдача мелочью была!

Мне друзья давно толкуют:
Мол, женись скорее, черт!
Все болезни сразу сдует,
Сразу язва заживет.

Понимаю, понимаю
Добрый дружеский совет.
Долго голову ломаю:
То ли верить, то ли нет?

Я хожу смешной, несвязный,
С тяжелой думой в голове.
Проживу с одной язвой,
Не хочу, чтоб было две.

Распуши в горячую минуту,
Занеси над головою плеть,—
Все равно оторопело буду
Под окошком у тебя глазеть.

Испытай предателя и труса,
Грозного спусти и натрави.
Люди скажут: помер от укуса,
Он один поверит: от любви.

Слишком много будет разговоров! —
Лучше натрави и придержи,
Чтоб порвал штанину, словно вору,
Не добравшись до моей души.

Я прикинусь бедной сиротиной:
Так тебе и надо чудаку!
Запылю разорванной штаниной,
Уходя домой по большаку.

Я опять в разлуке заболею,
Буду крепко думать и тужить
И, конечно, горько пожалею,
Что штанину некому зашить.

ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ

Я забыл слова твои бедовые,
Потому что много-много лет
Получаю карточки почтовые,
Ну, а в них коротенький привет.

В них о сокровенном не расскажешь,
Не раскроешь до конца души.
Ради бога, если письма в тяжесть,
То открытки лучше не пиши.

Понимаешь, тяжело мужчине
Пробиваться на сухом пайке.
Прибавляй, пожалуйста, отныне
По одной чувствительной строке.

Сердце ждет, а сердце не обманешь,
Потому и спрашиваю вновь:
Боже бой, когда ты перестанешь
Выдавать по карточкам любовь?

В МУЗЕЕ

Девушка с татарскими глазами,
С родниковым русским говорком,
Расскажи мне снова о Казани,
Лучше не сейчас, а вечерком.

Расскажи о башне Сююмбеки,
О Мусе Джалиле расскажи.
Что же ты прощаешься навеки
И уходишь из моей души?

Я гляжу вдогонку виновато,
Безнадежно веря и любя.
Хочешь? — Я останусь экспонатом,
Чтобы видеть каждый день тебя.

Шумела осень над ракетами,
Над грязной улицей села.
Моя любовь, плащом прикрытая,
На позднее свиданье шла.

Ей вслед бросали взгляды липкие,
Косились вслед из-под руки.
Стреляли пошлыми улыбками
В нее из окон остряки.

Ничто ей было не опасно,
Ничто не страшно было ей:
И от дождя она не гасла,
И грязь не прилипала к ней.

Может быть, в Саратове,
Может быть, в Казани
Волга меня сватала
На речном вокзале.

Ой, ты Волга-матушка,
Не могу утешить:
Я не брошу камушка
В голубую Снежедь.

Я давно в любовь не верю,
Все равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У девчонки на руке.

СНЕЖЕДЬ

Речка Снежедь, речка Снежедь,
Не шуми и не ворчи.
Я люблю тебя за свежесть
И прозрачные ключи.

Родниково-ледяная,
С мелкой рябью на волне,
Ты бежишь навстречу маю,
Ты спешишь навстречу мне.

Ты не в Зушу, ты не в Зушу,
Ты не в Зушу, а в меня,
А в мою впадаешь душу,
Обжигая, леденя.

А меня берет досада,
Что дика не в меру ты,
Что от ласкового взгляда
Робко прячешься в кусты.

Разве ты не замечаешь,
Что не годы, а века
Все плутаешь, все плутаешь
По изгибам лозняка.

Родниково-ледяная,
Не ворчи и не шуми.
Ты пойми меня, родная,
Наконец, меня пойми.

Я люблю тебя за нежность
И лукавить не привык.
Что же ты петляешь, Снежедь,
И боишься — напрямик?

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Может, это явная ошибка,
Может, просто показалось мне:
Промелькнула золотая рыбка,
Огневая рыбка в глубине.

Я ее заманивал пшеничкой,
Завлекал ее на червячка.
Только эта рыбка невеличка
Быстро раскусила простачка.

Бог с тобою, золотая рыбка!
Так и быть, живи себе, живи.
Ты, как лучезарная улыбка,
Мне нужна для песни и любви.

Пережил я много, между прочим,
Только это, право, не беда,
Что потратил даром дни и ночи,
Что потратил целые года.

Может, это явная ошибка,
Все равно мне очень важно знать:
Существует золотая рыбка,
И ее обязан я поймать!

Содержание

Полдень

«Легли налево и направо...»	7
Зерна	8
Косарь	9
Беда	10
«Я в деревню часто приезжаю...»	12
Телега	13
Ясень	14
«В наш век суровый и тревожный...»	16
«Я в это слово верю свято...»	17
Серп	19
«Прошел родитель пол-Европы...»	20
Прощание с Машуком	21
1. Ночь	21
2. Конь	22
3. Друг	23
4. Прощай, Машук	24
Бежин луг	26
Лесной уголок	28
«Природа, ты моя больница...»	30
«Я шел росистой дорожкой...»	31

Пегас	32
Полдень	33
«Гляжу на реюющие флаги...»	34
«Плескались забавно мальчишки...»	35
«Бывало, щеголяли девки...»	36
«Тюря»	37
Ветер	38
«Ласкает волосы и плечи...»	39
Тамо-русс	40

Золотая рыбка

Сказка	43
«Чем тебя обрадовать? — Не знаю...»	44
«Я давно тобою спутан...»	45
«Я заверил грустную подругу...»	46
«А она, поверив сплетне...»	47
Кошка	48
Мост	49
«На старой полтевской дороге...»	51
Следы	52
Хозяйка	53
«Я сам себе противоречу...»	54
Мелочь	55

«Мне друзья давно толкуют...»	56
«Распуши в горячую минуту...»	57
Почтовые карточки	59
В музее	60
«Шумела осень над ракетами...»	61
«Может быть, в Саратове...»	62
«Я давно в любовь не верю...»	63
Снежедь	64
Золотая рыбка	66

Александров Иван Васильевич.

Ясень.

Стихи.

Редактор Ходулин В. Г.

Худож. редактор Рудаков М. Г.

Техн. редактор Цельмин Ю. П.

Корректор Дорогонько Б. М.

Сдано в набор 8 декабря 1968 г.
Подписано к печати 11 февраля 1969 г.
Бумага 84 x 108/64. Физ. п. л. 1,125
Усл. п. л. 1,89. Уч.-изд. л. 1, 25. ТП 1969 г.
ЦПО2189

Тираж 10.000 экз. Заказ 14770.

Цена 13 коп.

Приокское книжное издательство —
Тула, ул. Каминского. 33.

Типография изд-ва газ. «Коммунар»,
Тула, Ф. Энгельса, 150.